

Глава 2

Прага — мировой центр образования эмигрантов

Русский Оксфорд

Сегодня трудно установить, кто первый назвал в 1920-е годы Прагу «Русским Оксфордом». Однако прозвище прижилось, и даже те, кто не считает его удачным, способствуют его укоренению «от противного», благодаря постановке вопроса: «Почему Прага не стала Русским Оксфордом?».

Что говорит за то, чтобы признать Прагу двадцатых годов минувшего века Русским Оксфордом, и что — против?

Известно, что за превращение Праги в столицу русского студенчества стоял, главным образом, президент Чехословацкой Республики Т. Г. Масарик. Он исходил из прагматических и идеалистических целей. К первым относится необходимость в будущем заручиться сильной поддержкой для молодой Чехословацкой Республики. Залог успеха Масарик видел в демократической России, которую поможет восстанавливать и строить «закваска» из возвращенных в ЧСР российских специалистов. Кроме того, на право стать Русским Оксфордом претендовала и Германия, но чехословацкий президент решил этому воспрепятствовать. Сближение Германии и России было для ЧСР нежелательно.

К идеалистическим целям относились славянская солидарность, человеколюбие и милосердие, а также создание «имиджа» новой страны, которая, едва возникнув, уже была способна не только существовать сама, но и помогать другим. Масарик хотел видеть ЧСР современным прогрессивным государством, где наука будет развиваться на высоком уровне. Поэтому он выступил против переезда немецкого университета из Праги в Либерец, хотя за такой проект выступали как немецкие, так и чешские влиятельные лица. Русская «прослойка» могла помочь в академических кругах, она была в состоянии отвлечь на себя

ненужное внимание к внутренним вопросам. Такой расчет, в отличие от более крупной цели, себя оправдал.

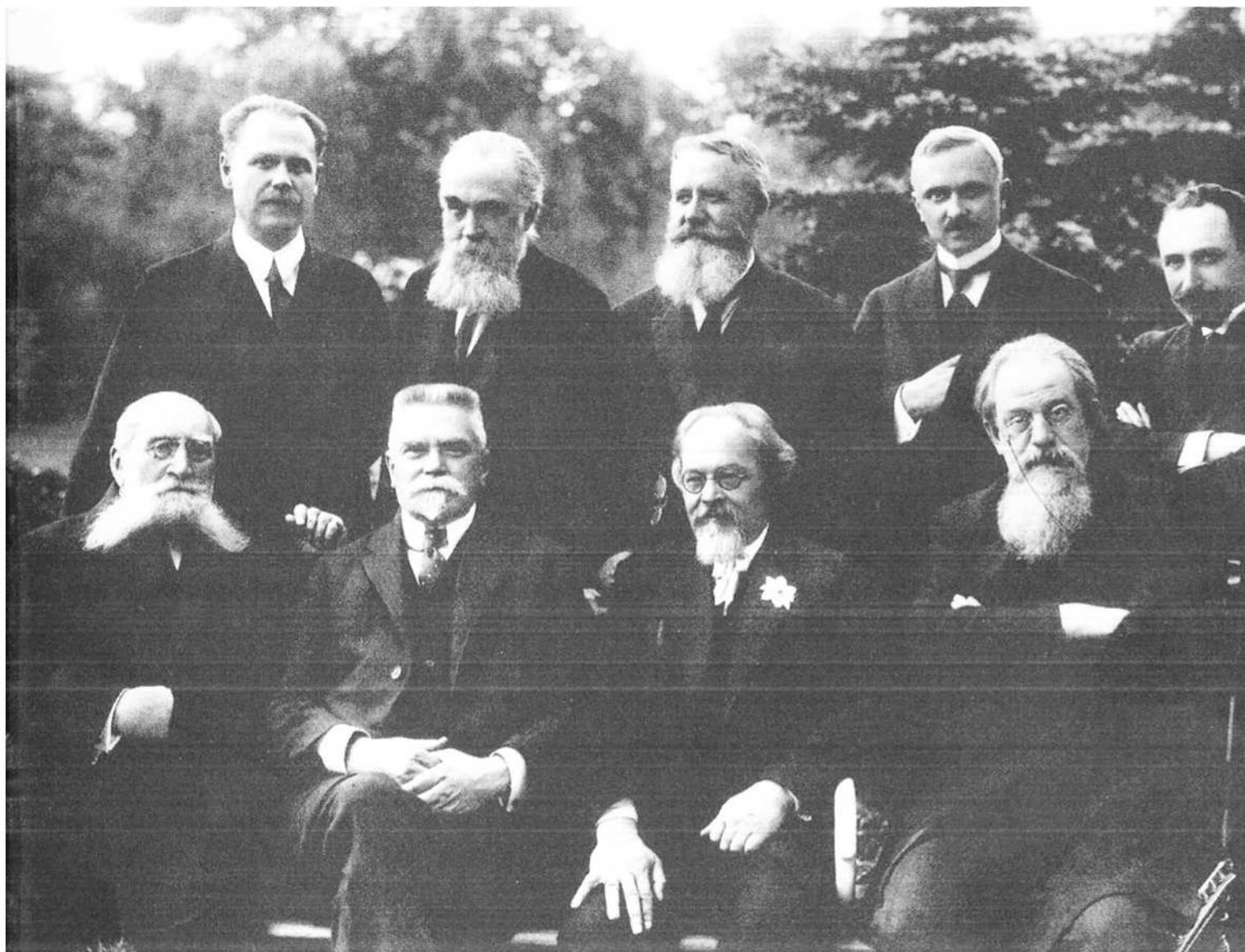
Содействие русским студентам должно было стать действенным и заметным на международном уровне, для этого было необходимо повысить чехословацкую помощь, чтобы она существенным образом превышала финансирование из других стран. Хотя сопротивление проекту многих членов правительства было значительным, Масарик смог добиться своего, и средства, отпускаемые Чехословакией, возросли настолько, что в страну потянулись сотни и даже тысячи студентов. Прага стала временным, но все же привлекательным центром для многих ученых с мировым именем.

Бывшие российские студенты, профессора, ученики, курсисты соглашались с Масариком в том, что они нужны России и что образование следует строить, ориентируясь именно на российские нужды. Сегодня такая вера может казаться странной и наивной, но нужно принять во внимание положение того времени. Во-первых, в 1919—1920 годах далеко не вся территория России была занята большевиками, еще в 1922 году дальневосточные учебные заведения обращались к посольству России в США (представительства России там и в некоторых других странах еще продолжали работать и помогать нуждающимся российским подданным), прося оказать материальную поддержку. В том, что Россия возродится в скором времени, не сомневались и многие крупнейшие международные организации, и не только эмигрантские. И если бы большевистское правительство не прибегло к террористическим методам борьбы с собственным народом, видимо, трехмиллионная волна российских эмигрантов, пусть и не вся, вернулась бы домой, выполнив возложенные на себя в молодые годы обязательства, и принесла бы России большую пользу.

Однако ничего этого не произошло, и расцвет русских учебных заведений в эмиграции не мог продолжаться долго. Однако и тот короткий период, отпущенный историей, видимо, можно назвать эпохой Русского Оксфорда, потому что разнообразие и качество учебных и научных заведений, открытых эмигрантами в ЧСР, этого вполне заслуживает. Назовем лишь некоторые: Русский Юридический Факультет, Русский Педагогический институт им. Я. А. Коменского, Русский институт сельскохозяйственной кооперации (открыт в 1921 году), Русский институт коммерческих знаний (1923), Русский Народный Университет, Высшее училище техников путей сообщения, Автотракторная школа, просуществовавшая целых семь лет.

Образовательные учреждения открывались для детей и юношества всех возрастных категорий, так что любой русский или бывший гражданин Российской империи к 1923 году мог дать образование своему ребенку, и большинство расходов оплачивало правительство Чехословакии. В Праге был открыт Русский детский сад для детей младшего возраста. В 1923 году его посещали около 40 детей. Были открыты две гимназии с подготовительными классами. Для неграмотных и малограмотных взрослых действовал ликбез при РНУ. Далее можно было выбирать из числа многочисленных курсов и получить профессию машинистки, медсестры, шофера, техника, сельхозспециалиста и так далее.

Следующий тип обучения — высшая школа. Часть студентов училась в чешских университетах и институтах, часть — в русских, где обучение велось на русском языке и на высоком уровне. В период 1922—1923 годов в стране проживало около сотни русских ученых, получивших поддержку чехословацкого правительства.

Премьер-министр Чехословакии Карел Крамарж с представителями русской эмиграции в Праге, 1927 г.
В первом ряду слева направо: В. И. Немирович-Данченко, д-р К. Крамарж, Е. Н. Чириков, академик П. В. Струве; во втором ряду слева направо: журналист С. И. Варшавский, проф. С. В. Завадский, сенатор Н. П. Савицкий, В. Ф. Булгаков, проф. К. И. Зайцев

Выпускники Автотракторной школы. Прага. 1924 г.

Фото из архива А. Копришиевой

Для всего периода существования Русского Оксфорда было характерно то, что уровень преподавателей значительно превышал требования к педагогическому составу школ конкретной категории, так что и в учебном заведении на уровне средней школы можно было встретить учителей, воспитателей, библиотекарей, которые бы в нормальных условиях явились украшением столичного университета.

Преподаватели высшей школы, кроме общественной деятельности и непосредственно преподавательской работы, занимались научной работой в специально организованных кружках, семинарах и кабинетах. Одним из самых больших стало Русское историческое общество, насчитывавшее к 1928 году 59 членов. И это несмотря на то, что чехословацкое правительство делало упор на техническое образование, которое считалось более полезным для будущей России.

Высшим образованием дело не заканчивалось. Русские высшие школы за рубежом оставляли при факультетах лучших выпускников для подготовки научных работ и получения академических званий. Несколько десятков человек уже в Праге получили звания доцента и профессора. Эмигрантские научные учреждения организовывали разнообразные научные мероприятия, ездили с докладами по Европе. Их общение и информированность о деятельности друг друга находились на несравненно более высоком уровне, чем это было потом, во время социализма.

Огромный вклад в мировую науку был сделан благодаря деятельности Института Кондакова — организации, нацеленной, прежде всего, на изучение русского и византийского искусства. С 1924 по 1935 годы работал Институт по изучению России.

Интересны материалы, написанные в связи с деятельностью проф. С. Н. Прокоповича. Экономист Прокопович подготовил в Праге труд «Познавательная цен-

ность статистических рядов», который стал серьезным шагом вперед в развитии статистики как науки. В ЧСР вышли и другие работы Прокоповича, некоторые — на чешском языке, подготовленные Чешским государственным статистическим управлением.

Невозможно не упомянуть об экономическом семинаре академика П. Б. Струве, который, как и другие мероприятия, проводимые эмиграцией, прежде всего, учил думать и делать самостоятельные выводы. Именно для Чехословакии, где обучение до сих пор зиждется на тренировке памяти, этот подход был нов и прогрессивен.

Особое место среди образовательных и научных организаций Праги принадлежит Русскому институту сельскохозяйственной кооперации, основанному в 1921 году. Он получал средства из многих источников благодаря активности самих организаторов учебного заведения, что для Чехословакии было очень выгодно: дотации ЧСР составляли всего 16 %. Институт имел как общеобразовательные, так и специальные предметы, издавал научные записки. Выпускник, прошедший еще и дополнительную подготовку в рамках института, мог получить звание доцента. Обучение в Русском институте сельхозкооперации было бесплатным. За время его существования через его аудитории прошло около 600 слушателей, было подготовлено шесть томов ученых записок, главным редактором которых стал проф. А. Н. Анцыферов.

А. Н. Анцыферов был не только теоретиком, но и практиком кооперативного движения в России, занимался кооперацией как в сельском хозяйстве, так и в промышленности. В своих трудах ученый полемизирует с трактовкой «капиталистической» и «социалистической» кооперации, указывая на примеры совместного ведения хозяйства, начиная с глубокой древности. Он делает вывод, что вообще капитализм нельзя понимать как такое общественное устройство, где главное — эксплуатация трудящихся. Потому что «...если бы существование капиталистического хозяйства на самом деле состояло в эксплуатации трудящихся, то социалистическое хозяйство правомерно было бы квалифицировать как доведенное до крайних пределов [...] ультракапиталистическое хозяйство», — пишет ученый.

Стоит упомянуть еще о двух преподавателях этого учебного заведения. Деканом кооперативного отделения был Виктор Эмильевич Брунст. Брунст, сотрудничавший как с Кабинетом Прокоповича, так и Семинаром Струве, был прежде всего агрономом. Он напечатал многие труды по теории агрономии, объем его пособия по животноводству, изданного в 1922 году, составлял более 300 страниц. После возвращения из стран Латинской Америки, где Брунст находился в 1925 году в составе Лиги наций, ученый написал большое количество статей для многих специализированных журналов, выходивших в то время для эмигрантов, интересующихся сельским хозяйством («Хутор», «Хозяин», «Русский земледелец»). Знания Брунста имели практическую ценность: его печатные работы очень помогли переселенцам, направлявшимся на постоянное место жительства в Аргентину, Бразилию, Парагвай и Уругвай. Брунст возглавлял Союз русских агрономов и лесоводов в Чехословакии, консультировал по агрономическим вопросам правительство ЧСР.

Декан коммерческого отделения института А. В. Зеньковский (не путать с В. В. Зеньковским, философом, богословом и педагогом, который тоже жил в Праге) был в свое время помощником русского премьер-министра П. А. Столыпина и написал книгу «Правда о Столыпине» (переиздана в России в 2002 году). Перу этого же автора принадлежит первое учебное пособие по банковскому

делу, вышедшее в эмиграции (Париж, 1928) и получившее название «Техника банковского дела». Интересно, что эта небольшая книжечка на букинистическом рынке России оценивается в настоящее время в 45 тысяч рублей.

Следующим учебным заведением, открывшимся в период Русского Оксфорда, стал Русский институт коммерческих знаний. При этом заведении в 1923 году действовали и практические бухгалтерские курсы. Школа полностью финансировалась МИД Чехословакии и просуществовала до 1925 года.

Большую роль в укреплении научного престижа Русского Оксфорда сыграл Славянский институт, основанный специальным законом Парламента ЧСР в 1922 году. Этот институт был призван силами чешских и зарубежных ученых подготавливать научные труды, выставки и конференции, заниматься архивным делом. Только за 10 лет, с 1928 по 1938, в работе Славянского института приняли участие 52 ученых российского происхождения. Славянский институт значительно способствовал развитию славянской лексикографии, диалектологии, изучению византийского изобразительного искусства и литературы, благодаря этому институту были написаны многие ценные литературоведческие труды, работы по изучению славянских древностей. Славянский институт был закрыт нацистами в 1943 году, после войны вновь открыт, позднее его деятельность прерывалась еще в 1969-м, но в 1992 году институт был восстановлен в рамках Академии наук ЧР.

В Славянском институте в разные годы работали такие выдающиеся деятели науки как, например, Е. А. Ляцкий, Л. Н. Окунев, Р. О. Якобсон, А. В. Флоровский, Д. И. Чижевский, А. А. Францев и другие.

Характерной фигурой эмиграции того времени может считаться Дмитрий Иванович Чижевский, философ, славист, историк, человек энциклопедических знаний. Его друзья вспоминают, что Чижевский мог вести беседу о любом годе, к примеру, XII столетия, как будто он сам был очевидцем событий и все происходило в недавнем прошлом. У Чижевского была феноменальная память, так что свои научные статьи он писал сразу начисто, включая все ссылки. О Чижевском — меньшевике, члене украинского правительства (Малая Рада), приговоренном большевиками к расстрелу, позднее эмигранту, скитавшемуся всю жизнь по разным странам, — русские правые писали как об украинском фанатике, украинские националисты — как о беспринципном человеке, сотрудничающем с русскими, чешскими, польскими, французскими и немецкими журналами. На счастье, эти некорректные споры сегодня уже не имеют для науки никакого значения, чего нельзя сказать о трудах Чижевского. Именно он нашел многие затерянные в архивах и не видевшие свет рукописи. К самым ценным принадлежит рукопись Я. А. Коменского на латинском языке, названная «Общий совет для исправления дел человеческих». Чижевский — основатель Института славистики в Галле, исследователь чешской богословской литературы, крупный знаток периода барокко в славянской литературе.

В 1926 году был основан Пражский лингвистический кружок — объединение, имевшее и имеющее огромное значение для развития лингвистики и других научных дисциплин в мире. Основателем Пражского лингвистического кружка стал чешский ученый Б. Матезиус совместно с другими чешскими деятелями того времени (Б. Гавранек, Я. Мукаржовский, Б. Трнка и др.) и учеными российского происхождения (А. В. Исаченко, Н. С. Трубецкой, Р. О. Якобсон, С. И. Карцевский и др.). На первом Международном съезде славистов, проходившем в Праге в 1929 году,

были прочитаны тезисы Кружка, ставшие программой этой ветви мировой структурной лингвистики.

Судьба Александра Васильевича Исаченко была тесно связана с Чехословакией. Родился Исаченко в Санкт-Петербурге, в семье, имевшей глубокие академические традиции. Отец его был известный правовед, дядя — академик, выдающийся микробиолог. А. В. Исаченко с семьей был вынужден эмигрировать из России в детском возрасте, учился он главным образом в австрийских и немецких школах, в совершенстве знал многие европейские языки. Весь 1937 год ученый провел в Праге, где до этого часто бывал. С 1941 по 1955 годы Исаченко работал на высоких академических должностях в Братиславе, потом — в университете города Оломоуц. В 1965 году Исаченко по приглашению Академии наук ЧСР приехал в Прагу, где остался до 1968 года. Во время событий августа 1968 года ученый находился в Австрии, откуда в знак протеста отказался возвращаться в Чехословакию. За это Исаченко практически отстранили от сотрудничества все страны. На его книги, в том числе, казалось бы, на безобидную с точки зрения политики книгу «Грамматический строй русского языка», накладывается абсолютный запрет, труд не разрешается цитировать даже в полемике. Ученый живет в Австрии, позднее в США. Его книга, написанная по заказу немецких ученых, сравнивающая русский и немецкий грамматический строй (1960), остается до сих пор настольной книгой каждого зарубежного русиста. Интересны и историко-философские работы ученого, которые, на счастье, опять вернулись в золотой фонд мировой науки, не перегороженной железными занавесами.

Хотелось бы коротко остановиться и на научной деятельности еще одного члена Пражского лингвистического кружка С. И. Карцевского (1884—1955). Сергей Иосифович (в некоторых источниках — Осипович) Карцевский получил образование в Женеве, работал в Страсбурге. С 1923 года жил в Праге, где начал издавать журнал «Русская школа за рубежом», готовил одну из своих самых известных книг «Язык, война и революция», которая в 1923 году вышла в Берлине.

Карцевский принимал участие в создании учебников, причем, в предисловии к учебнику для старших классов средней школы он пишет: «Автор не разделяет научных взглядов господствующей в России формально-грамматической школы (ее крайности нашли свое выражение в учебнике А. М. Пешковского «Наш язык»)». Вряд ли пражские школьники интересовались «формально-грамматической» школой, поэтому можно смело утверждать, что предисловие написано Карцевским скорее для коллег-лингвистов, чем для учеников средней эмигрантской школы. Если не знать, что ученый начинал свою карьеру в начальной школе Тобольской губернии, то можно было бы подумать, что оторвавшийся от жизни ученый муж старается вбить недорослям в голову слишком высокую для них науку. Однако Карцевский просто воспользовался еще одной возможностью обратиться к коллегам на своем уровне, потому что знал, что им в руки попадет его учебник. Карцевский вскоре покинул Прагу. Однако его работа о системе русского глагола еще успела выйти в Праге, но на французском языке (1927). С. И. Карцевский в настоящее время известен в России благодаря недавно переизданной книге «Языки славянской культуры» и классическим работам, посвященным асимметрическому дуализму языкового знака. Также печатаются и его исторические труды, например, интересная статья о том, что бы было, если бы в Древней Руси Новгород победил Москву.

В некоторых работах, посвященных Русскому Оксфорду, в частности, в работах Ивана Савицкого, утверждается, что Русский Оксфорд закончил свое существование в 1928 году. Нам представляется, что период расцвета русской науки за рубежом можно продолжить, потому что ученые, работавшие в Праге, особенно те, кто приехал в чешскую столицу в молодом возрасте, часто продолжали свою деятельность в других европейских центрах и в США, но их имена, как и имена членов Пражского лингвистического кружка, всегда будут ассоциироваться именно с плодотворным пражским периодом.

Однако, в узком смысле слова Русский Оксфорд был обречен на скорую смерть с того момента, когда были перекрыты границы и эмигрировать из СССР, за редким исключением, было невозможно. Без новых учеников школа и научные учреждения университетского типа существовать не могут. В 1928 году существенно сократилось число российских профессоров, работавших в ЧСР, стали в спешном порядке закрываться периодические издания.

Одним из первых уехавших русских светил был как раз академик Струве, приложивший массу усилий для развертывания в стране работы учебных и научных учреждений. Постепенно и среди студентов распространились пессимистические настроения, потому что многие поняли: в этой стране они не смогут построить свое будущее. Как метко отмечает Иван Савицкий в работе «Специфика Праги как духовного центра эмиграции», важно то, что студенты и выпускники не считали свой «разрыв» с ЧСР трагедией, наоборот, многие через всю жизнь пронесли теплое чувство к стране, которая протянула им руку помощи. Жизненная позиция этих людей способствовала формированию положительной оценки Чехословакии в странах, в которые они переехали из ЧСР.

Прага не смогла до конца стать новым Оксфордом для русских и потому, что здесь были совсем иные условия существования, слишком непохожие на спокойную атмосферу оплота традиционного английского образования. Чешская столица стала лишь временной пристанью, давшей передышку усталым, но еще достаточно молодым российским интеллектуалам. Тем не менее, высшее образование во времена расцвета Русского Оксфорда здесь получили около 3,5 тысяч человек.

*Светлана Михлова
Мария Михлова*

Глава 4

Российские ученые и их деятельность в Чехословакии

В 1931 году Русский научный институт в Белграде подсчитал, что в эмиграции в то время работало около 500 профессионалов русской науки: пять академиков, более 140 профессоров и еще около 330 других исследователей. Эта оценка была библиографической, то есть включала лишь тех ученых, которые имели опубликованные работы. По другой оценке, принадлежащей историку русской эмиграции Петру Евграфовичу Ковалевскому, в эмиграции оказалось до тысячи ученых. По его мнению, далеко не все ученые смогли полноценно продолжать работу в науке и публиковать свои статьи и книги. Собственно, в этом состоит главная драма ученых-эмигрантов — огромные сложности с полноценной научной работой. По этой же причине многие их коллеги остались в России.

Область научной деятельности включает в себя не только профессиональных ученых, но также различные научные организации: от лабораторий, экспедиций, библиотек, научных коллекций и других материальных институций до профессиональных объединений — научных обществ, ученых советов, академий, учеников, то есть, того, что составляет научную жизнь. Ученые-эмигранты с отъездом теряли очень важные составляющие своей деятельности — научную базу и научную среду — и должны были часто начинать свой путь чуть ли не сначала, рассчитывая, прежде всего, на себя, на свои профессиональные качества. И даже сложившаяся научная репутация часто требовала нового подтверждения. При этом — никакой гарантии того, что будет возможно продолжить начатые исследования в новых условиях, что удастся хоть отчасти воссоздать среду, которую они теряли, у них не было.

Кроме того, многие науки тесно связаны с темами, «задаваемыми» страной. Таковы геология, география, история, филология, правоведение и некоторые другие. Спрос на представителей таких областей науки в эмиграции был невелик. Другие научные дисциплины универсальны — естественные и технические науки, в первую очередь, а также некоторые социальные науки — социология, психология, лингвистика, и эти специалисты легче вписывались в новые обстоятельства. И потому история ученых в эмиграции в целом и в Чехословакии в частности связана с адаптацией, сильно зависящей от научной специализации.

И, наконец, частью науки является организационная деятельность — многие прекрасные ученые-организаторы не имели возможности проявить свои таланты в эмиграции ввиду специфичности ее условий, прежде всего, из-за жесткой конкуренции иностранных коллег, языковых и психологических барьеров. Но и тут были свои исключения, связанные с самыми выдающимися учеными, которые смогли не только войти в западную науку, но и добиться в ней больших успехов, привлекая иностранных коллег и учеников.

Чаще бывало, что возникали научные коллективы русских соотечественников, это было естественным шагом. Русские ученые в эмиграции обычно начинали с создания своих собственных научных организаций, русских академических групп, которые помогали защищать им свои интересы, сохранять и воспитывать научные кадры, устанавливать связи в научных и правительственных кругах. Иногда им помогали и иностранные коллеги-ученые, прежде всего, в Сербии, Болгарии, Чехословакии, затем — во Франции и США.

Очень важны были и объединения профессионалов, такие как Русское историческое общество в Праге, созданное 7 апреля 1925 года и продолжавшее, таким образом, деятельность Императорского Русского Исторического Общества. Инициатором этого важного шага стал выдающийся русский историк Е. Ф. Шмурло. В состав первых членов возрожденного Общества также вошли философ, экономист и общественный деятель П. Б. Струве, бывший ректор Киевского университета Е. В. Спекторский, лидер кадетского движения А. А. Кизеветтер (председатель Общества в 1932—1933 годах), геополитик и основатель теории евразийства П. Н. Савицкий, профессор Харьковского университета А. Н. Фатеев (председатель Общества в 1933—1937 годах), выдающийся богослов Г. В. Флоровский и историк А. В. Флоровский (последний председатель — 1937—1940), а также многие другие. Общество выпускало свои Записки — с 1927 по 1940 годы было подготовлено пять книг.

Президент Чехословакии Т. Г. Масарик помог Обществу с финансированием издательской деятельности и размещением его организационной части. Общество проводило регулярные публичные чтения, научные доклады и тематические выставки, работало с учебными заведениями Чехословакии, в которых получали образование молодые русские эмигранты. Прекратила его деятельность лишь немецкая оккупация. Но свою роль в объединении сил Общество сыграло: среди участников Конгрессов историков мы находим и имена многих пражских эмигрантов. В 1923 году в V Конгрессе историков в Брюсселе участвовали П. Виноградов, М. Ростовцев, П. Струве, Е. Шмурло, в 1929 году в VI конгрессе в Осло — М. Ростовцев, А. Елачич, П. Савицкий, в 1933 году в VII конгрессе в Варшаве — П. Савицкий, П. Струве, А. Флоровский, Ю. Бруцкус.

В эмиграции оказались почти все видные русские философы. Многие из них были высланы на известном «философском пароходе» Preussen, отправившемся

из Петербурга 16 ноября 1922 года и за семь дней доплывшем до Берлина. Некоторые из философов отправилась в Прагу (самым известным из них был Николай Лосский), многие же выбрали Берлин или Париж. Но именно в Праге появилось в 1922 году Религиозно-философское общество им. Вл. Соловьева, организатором и первым председателем которого был Павел Иванович Новгородцев, а в 1926 году — Философское общество (председатель — И. И. Лапшин), выпускавшее свои записки и устраивавшее доклады в Русском народном университете.

Свои научные общества имели в Праге русские педагоги, врачи, инженеры. Существовали разные формы их объединения. Но наибольшее значение и реальную силу представляли, конечно, образовательные учреждения, на основе которых можно было вести и научные исследования. Следует отметить, что чехословацкое правительство, организовавшее Русскую акцию помощи, создало на некоторое время очень благоприятные условия для деятельности русских ученых из самых разных областей науки, и именно поэтому Русская академическая группа в Праге в 1920-х годах стала руководящим органом русской науки в эмиграции. Большую роль сыграли в этом и организации эмигрантов, особенно Русская Академическая группа и Земгор (Земско-Городской комитет помощи русским беженцам за границей).

На примере многих научных биографий того времени мы можем оценить, как русская наука сумела в лице своих представителей оказаться нужной и полезной для страны, которая приняла их так доброжелательно.

Рассмотрим несколько возможных типов существования ученых-эмигрантов — в связи с тематикой их работ, возможностью получения поддержки от государства и особенностями их проявления в Чехословакии и остальных центрах эмиграции.

Ученые, занятые специфическими русскими темами. Как мы уже отмечали, такие ученые в эмиграции получают поддержку с трудом. Однако Чехословакия оказалась исключением из этого правила: сущность Русской акции состояла, в частности, в подготовке специалистов для будущей России. Именно поэтому русские организаторы получили свободу в составлении программ учебных заведений, создаваемых в Чехословакии, давших затем работу ряду специалистов с «русским уклоном». Среди важнейших русских институтов подобного профиля отметим, прежде всего, Русский народный университет (1923—1945), имевший три ступени обучения и дававший, таким образом, образование от начального и среднего до высшего. Ректором университета был профессор М. М. Новиков, который, кстати, был последним выборным ректором Московского университета. На высшей ступени было пять отделений — Отделение общественных наук (зав. профессор Н. С. Тимашев), историко-философское отделение (зав. профессор А. А. Кизеветтер), Отделение по изучению Чехословакии (зав. профессор Ю. Поливка), Отделение естественных и прикладных наук (зав. профессор Н. Н. Могилянский), Отделение курсов русского и иностранных языков (зав. профессор Е. А. Ляцкий). Среди преподавателей были также известные русские ученые: историки А. В. Флоровский, Д. Н. Вергун, И. И. Лаппо, Б. А. Евреинов, П. А. Остроухов, С. Г. Пушкарев, экономисты П. Б. Струве, П. Н. Савицкий, философы С. Н. Булгаков, Н. О. Лосский, И. И. Лапшин, литературоведы Е. А. Ляцкий, А. Л. Бем, лингвист С. И. Карцевский, историк искусства Н. Л. Окунев и многие другие. Обратим внимание, что Отделение по изучению Чехословакии могло помочь принимающему государству как своими научными работами, так и специалистами.

Русский юридический факультет при Карловом университете (1922—1929, далее — как научная корпорация до 1933 года) возглавлял известный русский правовед, профессор Павел Иванович Новгородцев. В основу преподавания было положено изучение русского права. Одновременно с этим большое внимание уделялось законодательству западноевропейских государств как в области публичного, так и в области частного права и, в частности, праву Чехословацкой Республики. То есть, была открыта возможность воспитания специалистов для Чехословакии, впрочем, позже мало востребованных.

Среди профессоров РЮФ были С. Н. Булгаков, занимавшийся церковным правом, М. М. Катков и Д. Д. Гримм, читавшие римское право, Е. В. Спекторский, Н. Н. Алексеев — специалисты в области государственного права, С. В. Завадский, читавший гражданское право, А. Н. Фатеев — общую теорию права. Курс по уголовному праву читали профессора А. В. Маклецов и Н. С. Тимашев.

Параллельно с преподаванием основных предметов в программу обучения были включены такие дисциплины как логика, русская история, психология и другие, что соответствовало учебным планам некоторых русских университетов. Особое внимание уделялось экономическим наукам. Общетеоретический курс политической экономии читали параллельно академик П. Б. Струве и профессор В. А. Косинский, а также В. Ф. Тотомианц, на факультете изучался особый курс истории экономических учений и целый ряд других предметов.

Профессор Георгий Владимирович Вернадский вел с осени 1923 года семинар по истории высших государственных учреждений и сословий России в XVIII и XIX веках. Курс статистики читал профессор П. И. Георгиевский. На факультете работали также замечательный ученый-богослов Георгий Флоровский и его брат, историк Антоний Флоровский. Велась в институте и научная деятельность, публиковалось большое число работ. Всего на факультете работало 28 профессоров и 12 доцентов, с 1922 по 1928 годі диплом об окончании РЮФ получили 384 человека.

Русский Юридический Факультет, таким образом, стремился выпускать широко образованных специалистов и имел отличных лекторов и преподавателей, способных решить эту задачу, и проводивших, к тому же, собственные исследования. Главной проблемой факультета оставалось признание диплома РЮФ, и именно этот вопрос потребовал огромных усилий. В результате дипломы были, наконец, нострифицированы Карловым университетом. Но и это не помогало найти работу выпускникам. Философ Н. О. Лосский писал об этом: «Молодые люди, прошедшие курс нашего юридического факультета, в большинстве случаев не могли найти работы по своей специальности ни в Чехословакии, ни вообще в Европе. Один из выпусков, зная судьбу своих старших товарищей, организовал, получив аттестаты, нескольконедельные курсы малярного дела и, научившись ему, молодые юристы поехали в различные страны, главным образом, во Францию, где и стали ремесленниками-малярами».

Русский педагогический институт имени Яна Амоса Коменского (1923—1927?), возглавляемый профессором С. А. Острогорским, Русский институт с/х кооперации (1921—1935) (директор — математик и председатель отдела Казачьего союза С. В. Маракуев), Высшее училище техников путей сообщения (1922—1933), Русский институт коммерческих знаний (директор — доцент У. О. Жилиев) (1923—?) также располагали сильными преподавательскими кадрами, часто совмещающими работу в нескольких русских институтах, включая Русский народный университет

и Русский юридический факультет, и они тоже выпускали специалистов в расчете на возвращение в Россию. И их, конечно, встречали немалые проблемы после получения диплома.

Сопоставляя эти учебные заведения с другими русскими вузами в эмиграции, например, с русскими отделениями при Парижском университете (1921), Франко-Русским институтом (1925), Богословским институтом (1925) и Политехническим институтом (1920) в Париже, мы найдем много общего. В целом же Русская акция пошла дальше своих зарубежных аналогов, открыв возможность учебы или завершения образования многим тысячам молодых людей.

Конечно, далеко не все специфические российские темы получали государственную поддержку и в Чехословакии. Ряд научных работ, интересных именно для России, проводился «по велению души».

Совершенно особую роль играет здесь появление и развитие евразийства как особой исторической и философской концепции, включающей элементы географического и климатического планов. Ее главные создатели Н. С. Трубецкой, Г. В. Вернадский, П. Н. Савицкий, Г. В. Флоровский занимались своими работами в этой области помимо другой своей деятельности.

Отметим также активность историков, философов, богословов в эмиграции — их труды вернулись в Россию спустя многие годы и оказались там востребованы.

Ученые, занятые «русскими темами», представляющими интерес и для иностранных исследователей, собственно, также сильно зависят от поддержки своих работ. Но такую поддержку им оказывают в расчете на то, что данный институт проводит исследования, которые имеют более широкую аудиторию.

Чехословацкое правительство материально поддерживало несколько русских учреждений такого рода.

Во-первых, надо отметить Семинар Кондакова (*Seminarium Kondakovianum*), возникший по инициативе учеников Н. П. Кондакова в 1925 году, и поддержанный чехословацким государством. Правительство платило несколько стипендий ведущим сотрудникам и молодым соискателям и выделило этому учебному заведению помещение. Роль института, ведущего оригинальные исследования высокого уровня в области археологии и истории искусств, была для государства, восстанавливающего свою национальную идентичность, привлекательной. Позже семинар, быстро вышедший за рамки своего названия, был переименован в Археологический институт им. Н. П. Кондакова (1931), а в 1952 вошел в Институт истории искусств Чехословацкой Академии наук.

Во-вторых, очень сильным исследовательским учреждением был Экономический кабинет С. Н. Прокоповича, представлявший собой коллектив русских экономистов высокой квалификации, занятых исследованием Советской России. Он был открыт в 1921 году в Берлине, но в 1922 году приглашен в Чехословакию ее правительством. Поддержка осуществлялась таким же образом, как и в предыдущем случае. Для Чехословакии такое учреждение было полезным хотя бы с информационной и методической точки зрения. Его сотрудники вели также исследования и по чехословацкой тематике.

В-третьих, был создан Институт изучения России (1924—1931). Отчасти пересекаясь по темам с предыдущим учреждением, он уделял основное внимание исследованию русской деревни и аграрных реформ, поскольку в нем работали бывшие видные эсеры К. Р. Кочаровский и С. С. Маслов. Последний был известен

как яркий публицист и исследователь деревни, о которой он написал несколько книг. Маслов был также создателем партии Крестьянская Россия, ведущей и в Праге политическую деятельность и пытавшейся влиять на события в Советской России.

Сравнивая эти институты с подобными учреждениями в других странах, можно сказать, что аналогичным способом использовали работы русских коллективов во Франции, где они читали лекции в Институте славянских исследований; научный коллектив для исследования ритмов в русской истории собрал в США социолог П. А. Сорокин.

Ученые, занятые универсальными научными темами. Такие ученые наиболее легко вписывались в жизнь в эмиграции, если имели высокий профессиональный уровень. На примере США известно, какого признания добились там социолог П. А. Сорокин, историк античности М. И. Ростовцев, изобретатели И. И. Сикорский и В. К. Зворыкин, химик В. Н. Ипатьев. Аналогичный список можно было бы составить и для русской эмиграции во Франции.

В Чехословакии действовала та же закономерность: русские профессора естественнонаучного и инженерного профиля, а также некоторые другие специалисты входили в новую среду достаточно легко. Так, металлург Глазунов стал профессором Горного института в Пршибраме и был избран его ректором, известный изобретатель и инженер Ломшаков преподавал в Пражском политехническом институте и работал консультантом на заводе «Шкода». В том же политехническом институте работали известный русский кораблестроитель голландского происхождения А. П. Фан-дер-Флит и химик-технолог В. И. Исаев; астроном В. В. Стратонов стал профессором Карлова университета, как и зоолог М. М. Новиков, слависты В. А. Францев, Е. А. Ляцкий, Н. Л. Окунев, историк А. А. Кизеветтер.

Завершая этот обзор, приведем слова Питирима Сорокина об эмиграции, которые относятся и к ученым: «Историческая творческая роль русской эмиграции состояла не в политических действиях того или иного направления и даже не в бесконечной критике советского режима и еще меньше в содействии и поджигании военного и „крестового похода“ против советской власти, а в ознакомлении человечества с бессмертными ценностями нашей Культуры, основой русской социальной жизни и общественных учреждений, а также с новыми достижениями эмигрантов, продолжающих пути русского культурного и социального... В результате „ума холодных размышлений и сердца горестных замет“ в течение тридцати с лишним лет жизни вне России приходится признать бесплодность почти всех чисто политических усилий русской эмиграции изменить курс истории и создать какие-то ценности политического бытия, облегчающие страдания русского народа или указывающие новые пути народного мира. Совсем иные результаты выросли из работы эмиграции по ознакомлению мира с бессмертными ценностями культуры России: с ее религиозными, научными, философскими, моральными, юридическими достижениями, с ее искусством и литературой, с ее укладами общественной жизни и с ее историческими путями. В итоге этой работы русской эмиграции мир обогатился огромными ценностями, доселе не известными, и народы России проявили себя творцами, равными наиболее творческим народам истории человечества. Из класса „нетворческих народов“ народы России перешли теперь в класс настоящих творцов, не нуждающихся ни в каких извинениях своего исторического существования».